

Глава 8: Сянсян, бе-е. Сянсян, бе-е

— Взять!

— Пусти!

— Взять!

— Пусти!

— Взять!

— Пусти!

Тянь Ян очнулся ото сна под эти ритмичные выкрики. Не открывая глаз, он остался лежать в той же позе.

Вокруг было шумно — слышались и человеческие голоса, и собачий лай. К своему удивлению, он понимал абсолютно все.

— Когда они закончат тренироваться?

— Почему они снова отрабатывают хватку? Мы же это давно проходили.

— Если они будут плохо тренироваться, нас что, не покормят?

— А-Но ведь вчера отличился, да? Может, сегодня в ужин добавят куриную ножку?

— Не знаю. А этот рыбий жир с кальцием такой противный, когда уже его перестанут давать.

Он слушал этот разноголосый гомон, и, хотя солнце уже припекало, так и не открыл глаза, снова погружаясь в дремоту.

Окончательно Тянь Ян проснулся, ощутив, как что-то влажное и мягкое настойчиво тычется ему в морду. В этот момент он все еще был во сне — до странности обыденном и оттого пугающе реальном.

Ему снилось, что он стоит на остановке в ожидании автобуса. 398-й маршрут всегда ходил так: либо ни одного, либо сразу несколько.

Автобусы других маршрутов подъезжали и уезжали, и вскоре на остановке остались только те, кто, как и он, ждал «триста девяносто восьмой». Никто не разговаривал, все уткнулись в свои телефоны, но Тянь Ян буквально кожей чувствовал их растущее нетерпение.

Опущенные уголки губ, постоянная смена позы, все более частые взгляды в сторону дороги, большие пальцы, яростно скользящие по экранам...

Он бессознательно сжал в руке пакет. Инстинкт требовал уйти, но ноги словно налились свинцом, не давая сдвинуться с места.

Наконец автобус появился.

Он несся, словно тоже куда-то отчаянно спешил. Водитель никогда не тормозил заранее, хотя прекрасно знал, где остановка. Каждый раз он подлетал к ней и резко бил по тормозам. Раздавался скрежет, затем — лязг, и двери открывались. Люди, только что поглощенные телефонами, устремлялись к входу.

Каждый раз, ожидая транспорт, Тянь Ян, еще издалека завидев его, прокручивал в голове эту сцену. Он невольно задерживал дыхание и выдыхал с облегчением только после визга тормозов и шипения пневматики.

Он вошел в салон вместе со всеми. Поскольку подошло сразу несколько машин, люди распределились, и внутри было не так уж тесно. Он выбрал место в самом конце, у окна.

Оказавшись внутри, юноша осознал, что это сон. Погода в нем была странной. Стоило ему подумать, как хорошо, что он успел сесть, а то промок бы, как за окном тут же заморосил дождь.

Пейзаж был знакомым. В конце этой улицы — перекресток, который в дождливую погоду обычно превращался в одну большую пробку. Но сегодня, на удивление, они проехали его без задержек. Следующие несколько остановок тоже проскочили быстро. Народу заходило довольно много. Он сидел как на иголках, боясь услышать писк валидатора: «Ди! Льготная карта». Тогда пришлось бы уступать место.

Но то, чего он так опасался, не происходило. В салоне сохранялся некий баланс: сколько людей входило, столько же и выходило. Всегда оставались свободные места. Пожилые не заходили, и водитель не кричал своим зычным голосом: «Эй, молодые сзади, уступите место старикам!».

Сердце Тянь Яна постепенно успокоилось.

Он повернулся, чтобы посмотреть в окно, и тут же увидел знакомое здание. Он понял, что, проехав эту улицу, окажется у своей работы. Сердце снова сжалось, дыхание перехватило. Все

его существо противилось выходу.

Автобус проехал мимо офиса, но, на удивление, не остановился. Глядя на удаляющиеся ворота компании, Тянь Ян выдохнул с огромным облегчением. Однако вскоре его охватила новая тревога. Он понял, что машина едет в сторону клиники, где он проходил психотерапию.

«Так я сегодня не на работу ехал, — мысленно убеждал он себя. — Я взял отгул, чтобы пойти к врачу»

«При встрече с доктором нужно улыбаться, быть позитивным!»

Но сколько бы он себя ни уговаривал, по мере приближения к больнице тревога лишь нарастала. Тоска нахлынула внезапно. Руки и ноги онемели. Остановка была уже близко, но у него не было сил даже встать.

— Сянсян, Сянсян, Сянсян!

Ощувив, как что-то влажное и мягкое настойчиво тычется ему в морду, Тянь Ян наконец открыл глаза, прежде чем автобус достиг остановки. Солнечный свет лился через большое окно, заливая его лицо.

Не было ни дождя, ни автобуса, ни работы, ни клиники. Он глубоко вздохнул, чувствуя всем телом слабость, как после пробуждения от кошмара.

Его грудь тяжело вздымалась. Спустя некоторое время он наконец повернул голову. Рядом стояла крупная собака почти квадратного телосложения. Шерсть на груди была светлее, а на спине — темнее. Снизу вверх были видны только блестящие черные глаза.

— Не немецкая овчарка, — пробормотал Тянь Ян.

Он и сам не знал, почему произнес это. Просто ему казалось, что кто-то когда-то говорил ему: это порода сильнее овчарки.

Пес, стоявший над ним, казалось, не понял слов. Он качнул головой из стороны в сторону, а затем снова наклонился и принялся вылизывать Сянсяну морду. Если это вообще можно было так назвать — Тянь Ян все еще не понимал, как описать свое нынешнее состояние.

Но даже превратившись в собаку, он не мог смириться с таким способом выражения заботы.

— Стой, перестань! Не трогай меня! — он замотал головой, пытаясь увернуться от назойливого языка.

Собеседник, похоже, понял его. Хотя на морде пса читалось разочарование, он все же отступил на пару шагов. Облизнувшись, он улегся на землю, поджав передние лапы, и с обиженным видом посмотрел на Тянь Яна. Тот с трудом поднялся. Глядя на мощного пса с глазами побитого щенка, он хотел было строго отчитать его, но слова застряли в горле.

— Сянсян, Сянсян, ты будешь есть?

Тянь Ян не понял, что именно говорит пес, и не ответил. Но за него откликнулись другие. Со всех сторон слышалось издевательское: «Бе-е, бе-е».

Он огляделся и только теперь заметил, что находится в просторной псарне. Вокруг сидели, стояли и лежали десятки собак.

— Сянсян, бе-е! Сянсян, бе-е!

Тянь Ян не понимал их слов, но по интонации чувствовал насмешку и отвращение.

Необъяснимая тревога охватила его. Лапы задрожали, и он невольно попятился. Сделав пару шагов назад, он почувствовал за спиной пустоту. Оглянувшись, он увидел, что там не было стены. Отсутствие опоры вызвало приступ паники. Он быстро осмотрелся, нашел свободный угол, образованный двумя стенами, и, опустив голову, трусцой побежал туда. Там он свернулся в клубок.

Увидев, что Сянсян из-за насмешек других собак забился в угол, А-Но тут же перестал притворяться обиженным. Он принял суровый вид, с которым обычно выходил на задания, и грозно обвел всех взглядом. Шепот тут же стих.

Пёс удовлетворенно кивнул и направился к выходу из вольера, где стояла его миска с обедом. Кинологи обычно не разрешают полицейским собакам заносить недоеденную еду в псарню. Но сегодня А-Но наотрез отказался есть; он вцепился в штанину Чэнь Сяофэна и упорно тащил его, пока тот не сдался и не позволил забрать еду.

Он хорошо помнил вчерашнее обещание: когда Сянсян вернется, ему придется делиться своей порцией, так как для новенького еды не предусмотрено. Подойдя к выходу, А-Но подцепил миску и потащил ее в угол, к Сянсяну, который все еще сидел, уткнувшись головой в стену.

Тянь Ян услышал скрежет металла по бетону, который приближался и наконец затих рядом. Почувствовав прикосновение к спине, он обернулся.

Перед ним стояла металлическая миска, доверху наполненная нагромождением из рубленых яиц, костей и кусков мяса. Одного взгляда на эту мешанину хватило, чтобы он почувствовал себя сытым.

— Сянсян, ешь! — А-Но, видя, что тот не двигается, нетерпеливо ткнулся ему в морду.

— Не лижи, не лижи! Ем я, ем! Только отойди! — Тянь Ян был сыт по горло этой привычкой.

Он смотрел на еду, не зная, с чего начать. Наконец он осторожно выудил оттуда половинку вареного яйца. Хотел было положить его в свою миску, но, оглядевшись, с горечью осознал, что у него нет даже собственного блюда.

Помолчав мгновение, он проглотил яйцо. Затем съел еще несколько, стараясь брать те, что лежали с краю, чтобы не копаться в чужой еде. Вскоре Тянь Ян почувствовал, что желток застрял у него в горле. А в миске не было ничего жидкого.

Поколебавшись, он все же произнес:

— Я... хочу пить!

Пес тут же вскочил и убежал. Через мгновение снова раздался тот же оглушительный скрежет. Тянь Ян чуть ли не когтями впился в пол, ожидая, когда шум прекратится.

Наконец миска оказалась рядом. В ней было молоко. Он поднял взгляд на пса — тот все так же выжидательно смотрел на него. Вздохнув, Тянь Ян принялся лакать.

— Ничего себе, А-Но крут! Даже утреннее молоко не выпил, сохранил! — с восхищением протянула одна из собак с белыми лапами.

— Хмф, — фыркнул А-Бу, который уже давно все понял.

Тянь Ян сделал несколько глотков, стараясь не оставлять слюны в чужой миске. Слух у него был слишком острым — собаки вокруг перешептывались, совершенно не стесняясь его присутствия. Если бы не жажда, он бы ни за что не стал есть из чужой посуды.

— Я наелся. Ты... ты ведь еще не ел? — отступив на пару шагов, он нерешительно спросил пса, который оставил ему еду.

— Ты больше не будешь? — удивился А-Но. Такая большая собака съела всего несколько яиц, сделала пару глотков молока и уже наелась? Пёс с жалостью посмотрел на тощего, с тусклой шерстью Сянсяна.

Он не знал, как уговорить его поесть. На базе не было собак с таким плохим аппетитом. Кроме как повторять «поешь еще», ничего в голову не приходило. Но это не давало никакого эффекта — Сянсян просто отвернулся.

А-Но пришлось самому приниматься за еду.

Кости, мясо, рыбий жир, вяленое мясо... всё в миске вдруг показалось безвкусным. Даже молоко утратило свой сливочный аромат. Это был самый пресный ужин в его жизни. Абсолютно безвкусный.

<http://bllate.org/book/15987/1442991>